

Вертикаль Ефимова

1 Восхождение

— К моменту восхождения на Эверест вы уже были признанным альпинистом...

— Я уже был мастером спорта и трёхкратным чемпионом СССР по альпинизму. Это достаточно высокий спортивный ранг. Я в то время работал в УПИ. Партком и ректор были в курсе важности экспедиции на Эверест. Провожали. Вымпел УПИ мне вручили, чтобы воздвигли на вершине. Так что можно сказать что был признанным альпинистом.

— Кто вам предложил войти в состав первой советской гималайской экспедиции?

— Это было решение на уровне Федерации альпинизма Свердловской области. Я помню, что тогда председатель Федерации Абрам Константинович Кикоин подошел ко мне и сказал, что Федерация решила меня делегировать на отборки в экспедицию на Эверест, а также Лешу Лебедихина и Женю Виноградского. Кандидатов было много. Отбор был жестким.

У Лешу Лебедихина было обнаружено гайморит. А там если какие-то отклонения в здоровье находили, то сразу же вычеркивали из состава.

А Женю Виноградского на отборках не повезло с партнером по связке по ледовому склону. Его хороший знакомый из Москвы Вадим предложил ему выступать вместе на забеге. Женя не мог ему отказать. А тот оказался не сильно готов, и они с Вадимом проиграли тот забег. Так Женя не попал в состав сборной Союза. Такие обстоятельства.

— Восхождение предполагалось проводить четверкой, а вы пошли в двойке с Валентином Ивановым. Почему так получилось?

— Так сложились обстоятельства. До пятого лагеря (8500 м) мы вышли четверкой, а потом оказалось, что надо идти спасать ребят. На вечерней связке выяснилось, что Эдик Мысловский и Володя Бальбердин достигли вершины, но на спуске так обессилили, что не могли двигаться. И когда Бальбердин по радиации попросил, что хорошо бы если б кто-нибудь принес чаю. Стало ясно, что двигаться самостоятельно они не смогут. Кто им мог принести чай на 8700? Только наша группа. Мишка Турквич с Сергеем Бершовым стали собирать на выход сна ночь глядя. Мы с Валей отделили им свой кислород и они ушли. Так произошло разделение.

Мысловский и Бальбердин они нашли недалеко от вершины. Дали им кислород, дали чай, напоили их. Те начали двигаться. А Миша с Сергеем в ночь дошли до вершины, затем догнали двойку и все вместе спустились к рассвету к нашей палатке.

— Иванов вспоминал, когда вы были на вершине, всё произошло буднично. Однако когда вы снимали на камеру, она у вас почему-то захарилась. Что произошло?

— Помню хорошо этот момент. Бальбердин оставил камеру на вершине. Кассета была полностью израсходована. Надо было перезарядить камеру, а меня этому не обучали. В нашей группе работать с камерой обучались Сергей Бершов с Михаилом Турквичем, а они были уже внизу. Пришлось просить консультацию по радиации. Видно, я все-таки пленку заправил неправильно. Изображение получилось дерганым. Это дружающее изображение так и вошло в фильм «Восхождение на Эверест» Вензеловского.

По дороге к базовому лагерю у Эвереста с группой турецких восходителей на высоте 2700 метров Сергей Ефимов (в центре) встретил легендарного Евгения Виноградского (справа) и заслуженного мастера спорта саратовца Сергея Богомолова

Несколько мгновений назад Сергей Ефимов воздвиг вымпел УПИ на Эвересте

— В Википедии есть запись: «Как мог такой опытный альпинист потерять каскету с чрезвычайно ответственной исторической киноплёнкой, он достиг плёнку в кинокамере, которая была оставлена на вершине Бальбердиным, снял панораму с вершины Эвереста».

— Так и было. Как это произошло, я абсолютно не могу объяснить. Я достал снятую кассету из камеры и положил в рюкзак... Когда мы спустились в лагерь — оказалось, что её нет. Я полностью признал свою ответственность за потерю. Как это произошло... не знаю.

— Никаких санкций не последовало?

— Нет. Какие санкции. Убивать меня, что ли?

— Вы как-то заметили, что восхождение для вас запоминается по эмоциональному впечатлению и по серьезности пройденного маршрута. А первая гималайская экспедиция и восхождение на Эверест?

— Восхождение на Эверест как было, так и осталось главной вехой. До Эвереста была одна жизнь, после — уже другая. Это такой отпечаток, который не выветривается. Там многое было впервые. Гималаи, королевство Непал, необычный формат жизни, взаимодействие с местным населением. Ну и гора — недостижимая мечта многих поколений советских альпинистов. Мы стали на время героями.

Когда люди начинают подругому воспринимать тебя, ты себя тоже начинаешь подругому воспринимать. Хочешь ты этого или нет. Отношение к себе меняется.

— Вас как изменило?

— Появилась популярность, можно сказать, слава в альпинистских кругах. Это открыло достаточно широкий простор для деятельности. Занятие альпинизмом стало социально значимым, потому что было высоко оценено государством, властью. Новые экспедиции, новые программы развития альпинизма... Поддержка и понимание со всех сторон...

— Появилась уверенность в себе. Не в качестве альпиниста (это было и раньше), а в плане общественной жизни.

— Дорога на Эверест у каждой экспедиции своя, хотя маршрутов достаточно много. Выбор маршрута — дело принципиальное. Это вы уж тогда выбрали действительно уникальный на тот момент маршрут.

— Выбирали руководители экспедиции. Надо отдать должное Евгению Тамму (руководитель экспедиции) и Анатолию Овчинникову (старший тренер) — очень серьезная была заявка. Не имея опыта гималайских экспедиций, выбрали маршрут, взойти на ранее непройденном маршруте в альпинистском стиле и все без кислорода.

— Как вы выбрали маршрут, выходящий на который никто до нас и не помышлял. По таким стенам в Гималаях не проходили. Приехали на разведку, посмотрели и решили. Что там мелочиться. Если ставить, то сверхзадачу.

— Вы дважды были в международных экспедициях. Чувствовали различия в подходе к альпинизму, национальные особенности?

— Очень явные отличия. Поначалу мне было трудно адаптироваться к новому формату. Все-таки наш советский альпинизм был армейским, где всё подчинено приказу, дисциплине, правилам...

— А за рубежом это просто добровольное восхождение совершенно свободных людей. Мне было удивительно, но там никто не несёт никакой ответственности за другого. Каждый имеет право покинуть экспедицию, если он так решил. И что интересно — другие участники это все воспринимали как норму.

— Юрий Рост в своей книге про первое восхождение на Эверест написал, что сборную альпинистов надо воспринимать не как коллектив единомышленников, а как коллектив самостоятельных людей. Я ещё бы добавил: одиночек.

— Да, у Эверестской команде собрались «самостоятельно мыслящие» лидеры. Но в то время в альпинизме люди еще находились под прессом правил, принимали и выполняли их. Волонтеризма такого, какой сейчас есть в мире, что я хочу, то и делаю, не было. По этому народ был управляем. И это было даже отмечено французскими журналистами. Мол, только русские могут совершать подобные восхождения, потому что обладают безрасчуждостью и полным чувством коллективизма, способностью работать на идею. Надо — значит, надо.

— А свободный человек уважает личное пространство. Тогда в английской экспедиции я настолько это понял... Там вообще проявились такие мелочи, о которых мы не задумываемся. Если человек не выходит из своей палатки к завтраку, то ты не имеешь права даже постучать к нему и напомнить, что завтрак подан.

— Другой момент. Дуг Скотт ушёл с женой вечером, стоят палатки англичан, я смотрю, надо же встретиться их... И стоят лыжные палки. Я Риту говорю: «Я могу взять лыжные палки?» Он так смотрит на меня: «Этого я не знаю, это не мои». То есть взять чужую вещь и даже её переставить — это дурной тон. Придётся хозяин — тогда всё решится. Когда начинаешь понимать это, начинаешь понимать психологию этих людей. Она в корне отличается.

— Как это потом в повседневной жизни сказывается?

— Я начал это отслеживать и видеть, что происходит в нашем обществе. До этого я присутствовал в обществе и даже не понимал. Как это, нормально. Никто меня не ущемляет, я сам делаю всё, что хочу. И только смена формата показала, что существует другой формат жизни.

— В одном из ваших интервью вы сказали очень важную фразу: «Сейчас я понял, что нельзя навязывать свои идеи, своё понимание альпинизма окружающим, если ты сам не принимаешь участия в проекте. Человек может сделать большие дела, когда живёт своей идеей, своим пониманием того, как её осуществить. Когда тебя кто-то зовёт следовать за ним, а ты сам не вдохновлён идеей, то ничего не получится. Когда я ставлю цель, когда я точно знаю, чего я хочу, все обстоятельства выстраиваются в нужной последовательности. Тебя как-то затагивает туда. У человека всегда есть шанс на великие дела, если чётко знать, что тебе надо. Беда в том, что большинство людей живёт, чётко зная, чего не надо. Это о чём?»

— Было сожаление, что я организовал экспедицию на Макалу (пятый по высоте восьмитысячник мира, 8463 метра — прим. автора) в 1997 году. Я был идеологом этой программы, но уже сам не участвовал в восхождении. В экспедиции погибли люди (около вершины — капитан команды Салават Хабидуллин и на спуске — Игорь Бугачевский — прим. автора), и я совершенно чётко понял, что должен быть другой подход. После этого у меня сложилось убеждение: если я сам не участвую, я не имею права заражать людей своими идеями.

— Но вы же так были.

— Да. Я был руководителем. Я не работал вместе с ребятами наверху. Они исполнители моей идеи и своего желания, и вот это является неправильным для меня. Не в жизни вообще. Для меня неправильно.

— В том году за это восхождение со второй попытки вы получили «Золотой ледоруб». Дорогая цена. Вы чувствуете свою ответственность за тех ребят, которые остались там?

— Я не могу быть ответственным за действия альпинистов на маршруте, если я сам не иду с ними как руководитель. Все они имели полное право на прохождение этого маршрута. Право, полученное и опытом, и их квалификацией.

— Когда я сам работал на маршруте, я брал на себя ответственность. После Макалу решил: всё, больше я заниматься руководством экспедиций не буду. После 1997 года я перестал.

— А как же 2002 год? Вы тогда в составе Ангарской экспедиции взойти на Барунице (Гималаи, 7200 метров).

— Это уже другое. Я не был руководителем. Я был в составе восходящих в этой экспедиции. Маршрут был мне по силам, и я взойшёл. Барунице — это вершина, на которую ходит очень много народа. Ребята из Ангарска были не профессионалы. Это были бизнесмены. Они хотели сделать восхождение в Гималаях. Я им помог это организовать. Там я работал как гид.

— Это как-то повлияло на ваше отношение к программе «Семь вершин»? Вы оставили в пяти. И только в Австралии и Антарктиде не совершили восхождения.

— Я для себя изначально никогда не ставил задачу выполнить эту программу. Я знал о ней, она красивая, заманчивая, логическая и продолжительная (однозначно всеми признаются шесть вершин — Эверест, 8848 метров; Эльбрус, 5642 метра; Мак-Кинли, 6194 метра; Аконкагуа, 6960 метров; Килиманджаро, 5895 метров; Винсон в Антарктиде 4897 метров; спорным остаётся Пик Косцюшко в Австралии 2228 метров — прим. автора). Просто получилось так, что я побывал на пяти вершинах, не ставя себе задачу взойти на все семь вершин. А когда оказалось, что надо ещё ехать в Антарктиду и Австралию, я понял, что это мне не надо. В Австралии вершина не представляет альпинистского интереса, там погодные условия всё определяют. В Антарктиде, я посчитал, холодно. И я понял, специально делать эти семь вершин — мне не интересно (смеётся).

— Вы создали в Екатеринбург альпинистский центр «Гималаи».

— Был 1991 год. Началась перестройка, и вдруг оказа-

лось, что все можно. До этого нужно было просить разрешения на выезд. Только спорткомитет мог дать валюту. Письма, разрешения... А тут посветовались с Михаилом Морозовым, Толей Бычковым из Москвы: «Ну что, организуем ТОО?». Создали альпинистский центр «Гималаи». Стали работать как турагентство. Мы имели лицензию, организовывали выезды, даже не только в Гималаи, а на отдых на море.

— В горы кого водили?

— Желających. Люди приезжали: «В Гималаи хотите прогуляться? Пожалуйста! Есть программы». Туристические маршруты до пяти с половиной тысяч метров. Приводишь в базовый лагерь под Эверест. Вот он. Эверест. Любуемся и наслаждаемся.

— Сколько центр просуществовал?

— Двенадцать лет, до 2003 года.

— А почему закрыли?

— Понял, что мне это стало неинтересно и стало мешать.

— Но и после закрытия центра вы продолжали водить туристов в Гималаи как гид?

— Много лет. Иногда как наемный гид, иногда как сопровождающий своих друзей. Другая зовут: «Слушай, хочешь в Гималаи». — «Пожалуйста». — «А ты можешь нам помочь?» — «Пожалуйста».

— Я бы не сказал, что это заработок, это возможность жить так, как я хочу.

— А в этом году почему не поехали?

— Интерес пропал. Зачем ехать, если нет интереса.

— У вас есть горький опыт с Макалу. Существует клише — гора-убийца. Можно ли так относиться к горе?

— Это эмоциональное отношение к конкретной ситуации. Когда на пике Победы мой друг Боря Поникоров умер на высоте от недостатка кислорода в 1984 году, мы вылезали туда. И когда я поднялся наверх к нему, когда транспортировали его тело, то я посмотрел на эти горы и почувствовал: ненавижу, просто ненавижу, человека забрали. А так — на каждой горе погибают... На многотысячниках очень много погибло людей.

— Вы не связываете это с развитием коммерческого альпинизма, стали в горы ходить за деньгами, но менее подготовленные?

— Альпинизм стал другим — во многом коммерческим, когда человек считает, что он может всё купить за деньги. Если я заплатил, значит, все, кто эти деньги взял, должны обеспечить мне восхождение на вершину. Готов — не готов. И уже совершенно другое отношение. Ему наплевать, кто с ним, что с ним. Ему надо самому зайти. Это, во-первых. Во-вторых, многие люди не понимают, почему они туда поехали. Есть люди, которые занимаются коммерческими экспедициями на Эверест. Например, Саша Абрамов из Москвы говорит: «У меня были моменты, когда я хотел всё это бросить, потому что человек уходит наверх, потом не может идти, наверху, на высоте, садится и считает, что его должны спустить. Каким образом — он даже об этом не думает. Он даже не хочет напрягаться — вы должны меня вернуть вниз. И всё».

— Вам на днях исполнилось 68 лет. Работаете сейчас?

— Нет. Особой деятельности, чтобы я ходил на работу, у меня нет. Я пенсионер.

— Вы сейчас поддерживаете отношения с теми, с кем проходили отбор на Эверест?

— Да. Вот встречались с Женей Виноградским. Чай пили. Уникальная, конечно, личность. На два года младше меня, а до сих пор ходит на восхождение. Говорю: «Женя, ты как, сейчас с удовольствием поднимаешься?» Он отвечает: «Ты знаешь, вообще-то там я себя чувствую лучше. Зесь я начинаю жить и начинаю нервничать почему-то (улыбается). А туда уезжаю, и там все хорошо».

— А вы здесь, если бы были силы больше времени проводить в горах, так же себя ощущали?

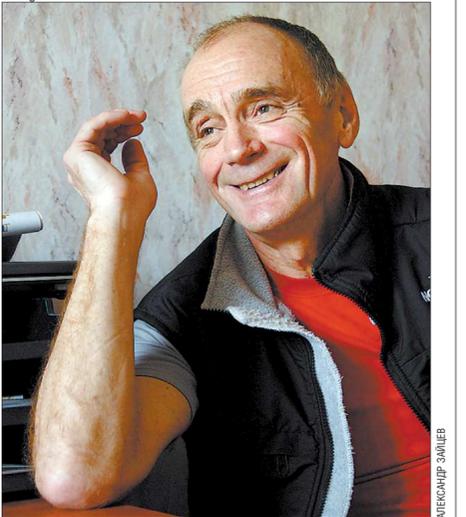
— Да как... Мне нравится то состояние, в котором я сейчас нахожусь. Каждому свое. Вот сейчас восхождения для меня никакого интереса не представляют. Как отрезало.

— Да как... Мне нравится то состояние, в котором я сейчас нахожусь. Каждому свое. Вот сейчас восхождения для меня никакого интереса не представляют. Как отрезало.

— Да как... Мне нравится то состояние, в котором я сейчас нахожусь. Каждому свое. Вот сейчас восхождения для меня никакого интереса не представляют. Как отрезало.

— Да как... Мне нравится то состояние, в котором я сейчас нахожусь. Каждому свое. Вот сейчас восхождения для меня никакого интереса не представляют. Как отрезало.

ДОСЬЕ

Сергей Борисович ЕФИМОВ
Заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, заслуженный тренер РФ.

Родился 24 апреля 1944 года в Свердловске. Окончил Уральский политехнический институт (ныне УрФУ).

Альпинизмом начал заниматься с 1962 года, в 1972 году стал мастером спорта СССР.

5 мая 1982 года в составе первой советской гималайской экспедиции совершил восхождение по Юго-Восточной стене на Эверест в связке с Валентином Ивановым.

В 1982 году ему присвоено звание мастера спорта международного класса.

В 1987 году стал «снежным барсом», поднявшись на все семитысячники СССР.

8 мая 1989 года в качестве тренера второй советской гималайской экспедиции совершил восхождение на Канченджангу-Главную (Гималаи, 8568 метров).

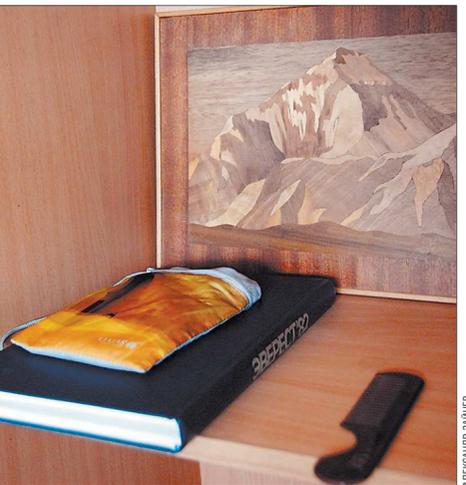
В 1991 году руководил первой советской экспедицией на Чо-Ойю (Гималаи, 8201 метр).

В 1993 году руководил Российско-британской экспедицией на Дхаулагири (Гималаи, 8167 метров), восхождение без кислорода, по ранее не пройденному маршруту. Номинант на «Золотой ледоруб».

В 1997 году руководил экспедицией на Макалу (Гималаи, 8481 метр), впервые достигли вершины по самому технически сложному маршруту — Западной стене. Получил приз «Золотой ледоруб» за лучшее восхождение года в мире. При этом погибли около вершины — капитан команды Салават Хабидуллин и на спуске — Игорь Бугачевский.

Совершил более 30 восхождений высшей категории сложности.

Шестикратный чемпион СССР по альпинизму. Имеет дочь, двух внуков.

Реликтовое место в квартале

БЛИЦ-ОПРОС

— Любимая книга про горы?

— «Эверест-82».

— Любимый фильм про горы?

— «Вертикаль», с Высоцким. Как ни странно, тогда он мне казался примитивным, а вот недавно посмотрел и получил очень сильное впечатление.

— Любимое высокогорное блюдо у альпинистов?

— Все домашние блюда, которые нельзя там получить (смеётся).

— Три вещи, без которых нельзя обойтись в горах?

— Интерес. Желание пройти маршрут и безразличие к оценке того, что ты делаешь, другими людьми.

— У альпинистов есть северные привычки?

— Если взять восхождение в Гималаях, то там существуют сложные обряды подношения богам гор перед подъемом на вершины. Эти обряды соблюдаем. У нас в горах — не помню.

— Любимая шутка альпиниста?

— Наверное, есть. «Жареных в горах не находили, а вот замерзших сколько угодно». Это по поводу одеваться или нет.

— С кем никогда не пойдёте в горы?

— Не знаю таких людей. Наверное, с людьми могу.

— Брестесь перед восхождением?

— Это не является установкой, когда как.

— Без чего вы не сможете обойтись в жизни?

— Без себя. Отказаться от себя не могу ни где, ни в каких условиях (смеётся).